
Дом
с белой верандой
Архитектура
человеческой верности
повесть
МАРИЯ БАТУРИНА

Мария Батурина

Дом с белой верандой. Архитектура человеческой верности

https://litres.ru/74714753
SelfPub; 2026

Аннотация

Старый квартал на берегу свинцовой реки готовят к сносу: тяжёлая техника уже стоит на границе исторической застройки, а в городском департаменте решение называют окончательным. Но на пути экскаваторов встаёт деревянный дом с резной белой верандой — родовое гнездо Веры, спроектированное столетие назад легендарным архитектором Карлом Густавовичем фон дер Ховеном.

Случайная встреча наследницы дома, архитектора-реставратора Артёма и писательницы Миры объединяет трёх непохожих людей в борьбе против безликой казённой машины. В старинных чертежах, чужих нераспечатанных письмах середины прошлого века и слоях вековой краски они находят не просто доказательства культурной ценности сруба, но и способ заново обрести самих себя.

Это пронзительная и светлая повесть о памяти, исцелении от потерь и ремесле, сохраняющем корни. История о том, что настоящие дома держатся не только на вековых лиственничных сваях, но и на человеческой верности.

Содержание

От автора	5
Глава первая:	7
Глава вторая:	13
Глава третья:	18
Глава четвёртая:	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дом с белой верандой. Архитектура человеческой верности

От автора

У каждого города есть свои тайные шрамы и свои укромные уголки, куда редко заглядывает суета больших проспектов. Старый квартал на берегу свинцовой реки — именно такое место. Здесь время течёт иначе: оно не бежит по циферблату, а откладывается кольцами на срезах старых сосен, прячется в пожелтевших конвертах с выцветшими штемпелями и звучит в перестуке колес трамвая номер один.

Эта книга — не столько о домах, которые пытаются снести бульдозеры, сколько о людях, которые неожиданно для самих себя вспоминают, как это — держать оборону. Держать не против кого-то, а за то единственное, что делает нас живыми: за память, за преемственность и за тепло человеческой ладони, прижатой к старой сосновой стене.

Если вы когда-нибудь чувствовали, что городской шум стирает ваш внутренний голос — поднимитесь на это крыльцо. Здесь всегда горит свет на белой веранде.

Предуведомление:

Старый квартал, река и дом Карла Густавовича фон дер Ховена — это собирательный образ сотен исторических уголков, хранящих память ушедших эпох. Персонажи повести, их переписка и чертежи созданы воображением автора. Если в очертаниях этой набережной, скрипе половиц или чьей-то судьбе вы узнаете знакомые черты, знайте: это лишь свидетельство того, как одинаково крепко люди умеют любить свои дома и беречь прошлое.

Глава первая: Утро на старом мосту

Утренний свет и мост

Утро в этом городе никогда не начинается с резких звуков — здесь не принято кричать птицам в ответ или резко распахивать окна навстречу шуму моторов. Утро здесь рождается из тишины. Бледный, почти молочный свет медленно, капля за каплей, заполняет узкие кривые переулки Старого квартала. Он скользит по влажной, потемневшей от вечных дождей кирпичной кладке, цепляется за резные наличники полуразрушенных деревянных домов и зажигает тусклые, словно сонные золотые блики на стёклах ещё не проснувшихся зданий.

На мосту — том самом старом каменном мосту, с которого видна затянутая густым серебристым туманом река — почти никого нет. Лишь изредка, подгоняемый злым утренним сквозняком, пролетит сухой, изломанный осенний лист, шурша по сырому асфальту, словно чьё-то забытое письмо.

Артём останавливается у холодных каменных перил. Он чуть сутулит своё тяжёлое драповое пальто цвета горького шоколада — вещь старомодную, добротную, пахнущую до-

рогой шерстью и сыростью вокзалов — и глубоко прячет озябшие руки в карманы.

Он никуда не спешит. Да и можно ли спешить в городе, в котором ты не был почти тридцать лет?

Артём просто смотрит, как на противоположном берегу начинают поочерёдно гаснуть фонари, уступая место серому, бесцветному дню. Ему важно поймать этот хрупкий момент, когда город ещё принадлежит только ему — границу между вчерашней усталостью, тяжестью ночной дороги и сегодняшним, совершенно чистым, ещё не написанным днём.

Он стоит здесь не потому, что спешит на службу. В этом застывшем во времени квартале вообще редко кто куда-то безумно рвётся по утрам. Артём здесь, чтобы попытаться выдохнуть ту давящую пустоту, которая поселилась внутри после смерти матери. В глубоком кармане его пальто лежит тот самый шероховатый конверт без марки. Письмо, написанное чужим, но до боли знакомым с детских открыток почерком.

Когда стоишь на мосту ранним ноябрём, отчётливо кажется, что время здесь остановилось навсегда. Вода внизу тёмная, матовая, тяжёлая, в ней отражается бледно-жёлтое, больное небо.

Запах зёрен и тепла

От сырости начинают ныть пальцы, и Артём делает шаг по направлению к узкому переулку. Его цель — маленькая

кофейня на углу, куда падает самый первый луч скупого солнца. Ему нужен горячий стаканчик крепкого эспрессо и тот самый глухой, успокаивающий звук кофемолки, который слышался ему во сне последние три ночи.

Дверь приоткрывается с сухим, тихим звоном медного колокольчика, и в лицо сразу ударяет густая, обволакивающая волна тепла. Здесь пагубно, почти сонной негой уютно: на широких подоконниках стоят тяжёлые керамические горшки с поблёкшей за осень зеленью, на потёртой деревянной стойке громоздится высокая блестящая кофемашина, а в углу за стеклом витрины ждут своего часа круассаны с сахарной пудрой, посыпанные крошкой, похожей на первый снег.

Бариста — молодой парень в затёртом джинсовом фартуке, чьи глаза ещё не до конца открылись после бессонной ночи — молча кивает, узнавая утреннего гостя. Хотя Артём зашёл сюда впервые в жизни, здесь почему-то принято кивать всем, кто приходит с улицы до рассвета. Словно они все — члены одного тайного клуба молчаников.

Звук работающей кофемолки заполняет всё пространство кофейни: сначала сухой, плотный треск зёрна о жернова, сменяющийся мягким, бархатным гудением. Этот звук действует как древнее заклинание, мгновенно отсекая все тревоги ночи, обрывки недочитанных писем и мысли о предстоящем дне.

Артём прислоняется плечом к тёплой стене у окна, обхватив ладонями горячий бумажный стаканчик. Через чистое,

намытое стекло видно, как узкий переулок окончательно заливает утренним светом, и по мокрому асфальту уже начинают проступать первые неторопливые тени. Жизнь города медленно, без суеты втягивается в свой привычный, вековой ритм.

Взгляд из мансарды

Этажом выше — в той самой старой мансарде с круглым окном, откуда отлично виден и старый мост, и серебристая лента реки — сидит Мира.

Для неё утренний спуск за кофе или сама привычка наблюдать за улицей из своего угла — это не просто ритуал. Это мягкий переход из мира ночных снов, где рождаются тексты, в реальный день. Словно тонкий мостик между хрупким пространством её дома и большим, шумным городом, который снаружи кажется чужим, а из окна мансарды — понятным и ручным.

Она знает звук этой кофемолки наизусть: сначала глухой сухой треск, потом басовитое гудение. Для неё это главный сигнал: мир внизу запущен, он работает, он держит форму, а значит, можно открывать блокнот.

Сейчас Мира сидит за угловым столиком в кофейне, почти полностью утопая в тени тяжёлой бархатной портьеры. Перед ней стоит массивная керамическая кружка, от которой поднимается едва заметный парок — там заварен её лю-

бимый травяной чай с чабрецом. Перед ней раскрыта потрёпанная записная книжка в кожаном переплёте с кремовыми страницами.

Она то и дело замирает с карандашом в руке, глядя в окно на тот самый узкий переулок, где солнечный луч уже добрался до мокрой брусчатки. В её взгляде нет ни грамма спешки — лишь та глубокая, сосредоточенная тишина человека, который уже успел побыть наедине со своими мыслями задолго до того, как внизу зажглись первые фонари.

Она видит, как мужчина в тяжёлом драповом пальто заходит внутрь. Он совсем не похож на тех местных жителей, что привыкли засыпать под этот глухой речной шум. На нём аккуратная шляпа, которую слегка потрепал утренний ветер, а в руке — потёртый кожаный портфель, хранящий тайны чужих контрактов, поездов и больших вокзалов. Здесь, в их застывшем переулке, такие люди не появляются просто так.

Мира чуть прищуривается, отпивая остывающий чай, и на секунду придумывает ему другую жизнь. Конечно же, он человек из столицы, чья жизнь состоит из дедлайнов и экранов смартфонов. Его занесло сюда случайно — может быть, сломался ночной поезд, или он ищет человека, которого не видел двадцать лет...

Когда Артём со стаканчиком кофе переступает порог и прислоняется к стене у окна, их взгляды на секунду — совершенно случайно, мимоходом — пересекаются в зеркальном отражении стекла.

Без слов, без дежурной улыбки, просто тихое, почти осязаемое признание: *«Я вижу, что ты тоже здесь, в этом утреннем безвременье»*.

Артём делает первый глоток — горячий, терпкий, обжигающий. Он смотрит краем глаза на её блокнот в кожаном переплёте, на пальцы, чуть тронутые серым графитом, и на секунду думает о том, сколько же таких вот тихих, спрятанных от посторонних глаз историй хранится за каждым окном этого бесконечного переулка.

Они не говорят друг другу ни слова. В этом городе не принято нарушать утреннее молчание случайными фразами. Но это мимолётное пересечение — лёгкое, как касание птичьего крыла — вдруг делает этот ноябрьский день капельку менее одиноким.

Глава вторая: Трамвай номер один

Утренний рельсовый стук

Вагон покачивается на стыках старых, разбитых рельсов с глухим, убаюкивающим стуком, от которого чуть подрагивают рассохшиеся оконные рамы. Кроме Веры, в салоне почти никого нет — лишь на переднем деревянном сиденье, ссутулившись под тяжестью форменной одежды, дремлет кондуктор, уткнувшись носом в высокий воротник тёмно-синей куртки. На заиндевевшем стекле медленно ползут вниз тяжёлые, прозрачные дождевые капли, оставляя за собой мокрые, извилистые дорожки, похожие на карту чужих дорог.

Вера смотрит на своё отражение в тёмном стекле и думает о том, как странно, почти обманчиво устроена жизнь. В тридцать лет отчётливо и безжалостно понимаешь: взрослый мир — это вовсе не те широкие, залитые солнцем дороги, которые рисовало детское воображение в шестнадцать. Взросление — это часто умение помещаться в очень маленькие, тесные пространства. Умение не занимать много места, прятать свою боль в глубокие складки пальто и вовремя гасить лампу, когда на город опускается ночь.

Она везёт бабушкины чайные чашки — тончайший полупрозрачный фарфор с потёртой золотой каёмкой по краю. Этот сервиз нужно забрать из опустевшей городской квартиры на самом краю города, которую она наконец решилась выставить на продажу после всех хлопот с похоронами.Оставлять хрупкую память о прошлом в пустых стенах было нельзя, и везти их было решено туда, где они всегда занимали главное место — в тот самый старый деревянный дом бабушки на окраине Старого квартала, где до сих пор пахло антоновкой и сушёной мятой, где на деревянном косяке кухонной двери до сих пор сохранились неаккуратные карандашные засечки её роста — от трёх лет до выпускного класса. Место, где казалось, что время — застывший янтарный сироп, и оно никогда не сдвинется с места.

Вчера она в самый последний раз повернула тяжёлый железный ключ в замочной скважине. И теперь внутри неё образовалась та самая звенящая, прохладная пустота, которую не заполнить ни утренним растворимым кофе, ни суетой на работе, ни бессмысленными телефонными звонками. Она не плачет — в такую рань слёзы ещё не приходят, они замерзают где-то глубоко в горле. Она просто физически чувствует, как с плеч спадает привычная броня, оставляя её совсем одну перед лицом наступившей, оглушительной тишины.

Мимо старого моста

Трамвай тяжело скрипит на стрелке, замедляя ход перед поворотом у речной излучины. На секунду в заиндевевшем, мутном окне вагона промелькает старый каменный мост. И точно сквозь морозную дымку на мгновение вырисовывается тёмный силуэт человека в коричневом драповом пальто и аккуратной шляпе, неподвижно застывшего у самых гранитных перил.

Вера смотрит на этот мимолётный образ сквозь стекло, затянутое тонкой сеткой трещин, и думает о том, сколько же одиноких, потерянных людей едут сейчас по этому просыпающемуся городу. Каждый — в своём собственном вагоне, зажав в кулаке невидимый, но неподъёмный багаж из прошлого, от которого невозможно избавиться.

Трамвай останавливается на конечной — у самой окраины Старого квартала, где ржавые рельсы внезапно упираются в заросший бурьяном пустырь, а город окончательно растворяется в сыром, молочном пригородном тумане.

Здесь пахнет иначе. Здесь пахнет мокрой, прелой землёй, дымом далёких печных труб и той самой антоновкой, которая до сих пор валяется под заброшенными, одичавшими яблонями во дворе, превращаясь под ноябрьским дождём в тёмное, сладковатое пюре.

Письма на дне ящика

Вера выходит на безлюдную остановку. В руках — тяжёлая сумка с фарфоровыми чашками, которые глухо, бережно позвякивают при каждом шаге, словно хрупкие фарфоровые колокольчики. Она идёт по узкой, размытой дождём тропинке к дому своей бабушки — последнему деревянному дому на этой улице, с резными наличниками, которые за долгие годы совсем выцвели от дождей и северных ветров.

Калитка поддаётся с тихим, знакомым до боли скрипом. На крыльце лежит мокрый, золотисто-бурый ковёр из листьев. Вера поднимается по скрипучим ступеням, достаёт из кармана тяжёлый железный ключ и на секунду замирает перед дверью. Внутри дома царит абсолютная, звенящая тишина. Там намертво застыл запах сушёных трав, лаванды, старых газет и пыли, оседающей на мебели десятилетиями.

Она распахивает дверь, впуская в прохладные, пахнущие сумерками сени утренний свет. В этот момент ей чудится странное: если обернуться, то где-то там, далеко, можно услышать глухие шаги на мосту у реки, размеренное жужжание кофемолки в кофейне на углу и тихое, шероховатое шуршание чьего-то пера по бумаге. Город вокруг дышит единым, общим ритмом, связывая совершенно незнакомых людей тонкими, невидимыми нитями.

Вера проходит в комнату и выдвигает нижний ящик ста-

рого письменного стола из светлого дуба. Дерево поддаётся с сухим, жалобным стоном, словно протестуя против чужого, незваного вмешательства. На самом дне, погребённая под слоем пожелтевших квитанций за электричество и старых новогодних открыток, обнаруживается плотная тетрадь в тёмном коленкоровом переплёте и несколько конвертов, перевязанных выцветшей шёлковой лентой.

Бумага на конвертах пожелтела от времени, а чернила слегка выцвели и расплылись от сырости, но почерк — аккуратный, округлый, с лёгким изящным наклоном влево — узнаётся безошибочно. Это бабушкин почерк, но какой-то другой, незнакомый, наполненный юношеским трепетом и надеждой.

Вера осторожно развязывает шёлковую ленту, дрожащими пальцами достаёт один из конвертов и вынимает потрёпанный лист.

«Милая моя, если это письмо всё-таки дойдёт до тебя через все границы, годы и разлуки, знай: я жду на прежнем месте. Каждый вечер, когда над рекой поднимается густой туман...»

Строки обрываются на полуслове, оставляя за собой зияющую пустоту — ту самую тайну, которую эта сильная женщина пронесла через всю свою долгую жизнь, ни разу никому не обмолвившись о ней ни словом.

Глава третья: Столкновение в кофейне

Забытый адрес и звон колокольчика

Дверь маленькой кофейни на углу Старого квартала распахивается с тем же привычным, сухим звоном медного колокольчика, который словно отмеряет такты для всего застывшего вокруг времени.

Артём стряхивает с плеч своего тяжёлого шоколадного пальто мелкую прохладную сырость — остатки утреннего тумана, густо осевшего на шерстяном воротнике. После пронизывающего до костей ветра на каменном мосту здесь, внутри, кажется почти жарко, почти духовно спасительно. Густой, тягучий воздух кофейни до отказа наполнен сложным, уютным букетом: ароматом свежесмолотых зёрен, сладковатой корицей, жжёным сахаром и запахом старого, хорошо просушенного дерева, впитавшего в себя десятки таких же дождливых ноябрей.

За баром всё тот же сонный парень в затёртом джинсовом фартуке протирает белоснежную чашку сухим вафельным полотенцем, глядя куда-то сквозь заиндевевшую витрину на пустой переулок.

— Эспрессо? — тихо, словно продолжая их вчерашний или вовсе не прерывавшийся диалог, спрашивает бариста, даже не поднимая головы. Интонация такая, будто Артём заходил сюда каждое божье утро на протяжении последних десяти лет, оставляя за дверью все свои неразрешенные вопросы.

— Да, пожалуй. И стакан холодной воды, если можно, — отвечает Артём.

Его собственный голос после нескольких часов утреннего молчания на речном ветру звучит непривычно глухо, словно чужой, застрявший в горле ком.

Он забирает тяжёлый бумажный стаканчик, обжигая пальцы сквозь плотный картон, и оглядывает крошечный зал. Большинство столиков пустуют — в это время местные жители ещё не вышли на улицы, предпочитая прятаться за своими кружевными занавесками от сырого дня. Но в самом дальнем углу, почти наполовину укрытая от тусклого дневного света тяжёлой бархатной портьерой, сидит та самая женщина с блокнотом.

Мир за портьерой

Сегодня на Мире свободный, крупной вязки свитер цвета топлёного молока, в рукава которого она глубоко прячет зябкие пальцы. Перед ней по-прежнему стоит массивная керамическая кружка с остывающим чабрецом, от которой уже

давно не поднимается пар — лишь серая тень на стенках напоминает о былом тепле.

Мира как раз поднимает голову от исписанной страницы, когда Артём, делая неловкий шаг в сторону узкого прохода, задевает плечом край старого деревянного столика. Стопка бумажных салфеток в тяжёлой керамической подставке вздрагивает и падает на пол, белыми лепестками рассыпаясь у самых её ног.

Он резко наклоняется, чтобы собрать их, и в этот момент их глаза встречаются.

На этот раз между ними нет никаких преград — ни чистого стекла оконной витрины, ни кривого зеркального отражения в дождливых каплях. Расстояние — ровно на длину вытянутой руки, на расстояние человеческого дыхания.

Мира не отводит взгляд и не спешит спрятаться за кожаной обложкой своего блокнота. В её серо-зелёных глазах нет ни испуга перед внезапным вторжением, ни дежурной вежливой улыбки случайной прохожей. Там читается лишь то спокойное, глубокое и внимательное любопытство писателя, который неожиданно для себя узнаёт в реальном человеке героя собственной утренней зарисовки — словно ожила строчка, написанная полчаса назад.

Артём замирает на секунду с белыми салфетками в руке, чувствуя, как внутри него — в груди, прямо под тяжёлым сукном пальто — что-то тихо и болезненно сдвигается с мёртвой точки, словно сдвинули с места тяжёлый, вековой

камень, лежавший там со дня похорон матери. Воздух в кофейне на миг становится прозрачным и звенящим.

Первый голос

— Вы что-то забыли записать в свой блокнот? — тихо произносит Мира.

Её голос звучит мягко, негромко — так, что слова едва перекрывают монотонное, басовитое гудение кофемашины за спиной у бариста. В её вопросе нет ни единой нотки иронии, ни защитного вызова. Только та тёплая, почти целительная улыбка человека, который привык замечать в жизни то, мимо чего остальные проходят на бегу, уткнувшись в холодные экраны телефонов.

Артём медленно выпрямляется, кладёт салфетки обратно на стол, чуть заметно качает головой и, не дожидаясь разрешения, бесшумно присаживается за соседний столик, не выпуская из озябших пальцев горячий бумажный стаканчик.

— Скорее, пытаюсь вспомнить, откуда я здесь оказался, — так же тихо отвечает он, и уголки его губ едва заметно дрогнут в подобии улыбки.

Они не начинают громких, пустых разговоров о погоде за окном, о ночных поездах дальнего следования, о расписании или о тех старых пожелтевших письмах, что лежат у каждого из них по карманам и в ящиках старых столов. Но хрупкая, невидимая стена, разделявшая их секунду назад, трескает-

ся и осыпается пеплом. В этом крошечном кафе, затерянном среди дождливых уличных лабиринтов Старого квартала, двое совершенно чужих людей впервые за долгое время чувствуют странное, почти пугающее облегчение — словно они наконец-то нашли дорогу домой, занесённую снегом и годами разлук.

Глава четвёртая: Голоса из середины века

Свет настольной лампы и шуршание бумаги

За окнами старого деревянного дома вечер наступает неожиданно быстро, стирая границу между землёй и затянутым тучами небом. Ноябрьский день тает серой, маслянистой тенью, превращая заброшенный сад под одичавшими яблонями в сплошное непроглядное месиво из сплетённых ветвей, мокрой листвы и первых холодных сугробов.

В комнате горит лишь один живой источник света — та самая тяжёлая бронзовая настольная лампа с массивным зелёным стеклянным абажуром, которую Вера с трудом отыскала на запылённых антресолях. Круг мягкого, янтарного света выхватывает из густой полутьмы крошечный пятачок на лакированной столешнице: стопку хрупких пожелтевших конвертов, гранёный стакан с остывшим овсяным отваром и пальцы Веры, которые уже третий час подряд бережно, почти благоговейно расправляют заломившиеся от времени уголки бумаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.